

НОЧЬ ПЕРЕД КАЗНЬЮ

Под светом вереницы фонарей —
В разливах звонниц каменных церквей —
В окрестностях созвездий Ночь гнездится.
Что надо, многоликой, ей от них?
Но все молчит. И мрак Перунов тих,
И перья крыл свинцовые на птице.

И не найти нигде такой страны,
Где все — глухи и слепы, но равны,
Как здесь, в никем не узнанном пространстве.
И ты — уже с запястьями как мел
Куда-то в даль бессмысленно глядел
В своем несознаваемом упрямстве.

Ах, этот химерический простор!
То ль слава, то ль жестокий приговор.
Ветрилом — шар искромсанной рубахи.
И вьющиеся посвисты бича
По коже неподвижного плеча.
И с запахом сосны — подножье плахи...

Ах, ночь с глазами голых дикарей!
И с каждым мигом явственней, видней
Был след кровавый — русского пророка.
И там, за покосившейся верстой,
Сочился зеленеющей водой
В зрачках уже схороненного бога...

И вздыбится прожорливый восток
На струпьях заплетающихся ног
И пылью, и различной дрянью прочей.
И голосом дурным зайдетс я грач.
И странно вдруг испуганный палач
Услышит эхо музыки той ночи...

АНГЕЛ-ХРАНИТЕЛЬ

Я помню, безусловно, о тебе.
И знаю, как нелегок свод небесный,
Что виснет вечным дивом безызвестным —
В большой твоей истерзанной душе.
Как прежде, я один в твоей судьбе.
Невидим, справедлив и строг порою,
Крылом своим распахнутым укрою
В завьюженную ночь на вираже.

Ты видела? Метнулся, вспыхнул миг...
И что-то прокричал, тебе лишь предан.
Тебе, его единственному кредо,
Его неодолимая тоска.
Взгляни! Безумным белым вальсом лик —
Звезды твоей, единственной и нежной,
Кружится и легко, и безмятежно
Метелью отбеленного песка...

Но вечны над тобою небеса.
И я тебя люблю, поверь, безмерно.
К тебе спешу взволнованно и нервно —
Я здесь уже, на этом берегу.
Ты слышишь ли меня? Открой глаза!
Вон, с крыши вдруг сорвался старый ворон
С кровавым клювом, словно уголь черен.
И с яростью купается в снегу...

MEMENTO MORI

Латынь ли, русский ли, санскрит —
Над бездной ли, безбрежьем взгорья...
А небо плавится, горит
И словно тихо говорит
И катит вдаль — *memento mori*...

Еще полным-полно огня.
Что ж сердце так безумно бьется?
Как будто в чем кого вина, —
То ль — непростительно меня,
То ли — бледнеющее солнце.

Ужели чудится ему,
Что свет его — нагой жар-птицей,
Мой свет! — в невидимом дыму,
Сжимаясь в тонкую кайму,
В ночи промозглой растворится?

Мне предано, я знаю, ты!
Но поднебесный царь восточный
Не знает праздной суеты!
И бросит под ноги мосты,
И в миг сверкнет звездой полночной...

И шпаги скрецаиваем мы,
На небо глядя, в яром споре.
А, уползая за холмы,
Мне эхо из вселенской тьмы
Кричит вослед — *memento mori*...

ПРИЗРАК УТЕРЯННОЙ РОДИНЫ

Там снежный цвет степного ковыля
Века пьет влагу млечного тумана.
Шиповник у подножия кургана
Горит рассветом розовых огней.
Таит дыханье зяблая земля.
Распаханный как поле перекресток
Сверкает мелкой рябью нежных блесток
На ликах перемолотых камней...

Там дым и пепел носят времена.
В грязи — осколки звездные мигают.
Там тропы лебедою зарастают,
И жала змей мелькают по мостам.
Бредет незримым призраком война,
Встречая и восходы, и закаты.
И недра, молчаливы и богаты,
Еще не знают счет своим крестам...

Там Отрок бледный, потеряв свой дом,
Искал его, блуждая странной тенью.
Ордынская стрела в одно мгновенье,
Блеснув зрачком в малиновом песке,
Качалась мирно в стебле золотом...
Откуда-то ползла на небо льдина.
Восток и запад, слившись воедино,
Мерцали точкой на его виске...